

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2026), 53–65
© The Author(s) 2026

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2026), 53–65
©Автор(ы) 2026

DOI: 10.18503/1992-0431-2026-1-91-53–65

ТРЕХЛЕТНЯЯ ВОЙНА «РУМИЙЦЕВ» С ЕГИПТЯНАМИ В ИСЛАМСКО-ЕГИПЕТСКОЙ ТРАДИЦИИ

А.А. Немировский¹, И.А. Ладынин²

^{1,2} *Институт всеобщей истории Российской Академии наук, Москва, Россия*

² *Московский государственный университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

¹ *E-mail: sidelts@inbox.ru* ² *E-mail: ladynin@mail.ru*

¹ *ORCID: 0000-0001-8023-8817*

² *ORCID: 0000-0002-8779-993X*

В статье рассматривается сообщение исламского-египетского историка IX в. Абдуррахмана ибн Абд ал-Хакама, озаглавленное «Рассказ о приходе румийцев и персов в Египет». В нем идет речь о некоей трехлетней войне «румийцев» (т.е. людей Греции или Рима) с египтянами, в результате которой египтяне признали подчинение румийцам, но добились, что те «отступились» от них и ограничились признанием зависимости и уплатой дани. Ряд соображений показывает, что в этом сюжете отразилась борьба Октавиана Августа с Антонием и Клеопатрой, на деле закончившаяся превращением Египта в провинцию Римской империи. При этом ибн Абд ал-Хакам говорит, что данные события развернулись на фоне возвышения до уровня сильнейших держав мира «румийцев» и «персов», что соответствует превращению в сверхдержавы к I в. до н.э. Рима и Парфии. В схеме, включавшей данный сюжет и принятой у более раннего исламско-египетского историка Усмана ибн Салиха, промежуток между царями, отвечающими египетской XXVI династии, и завоеванием «румийцами» остается ничем не заполнен и образ возвышения «румийцев» замещает всех предыдущих иноземных владык Египта в VI–I вв. до н.э., а возвышение «персов» аналогичным образом поглощает все этапы истории Ирана от Ахеменидов до Сасанидов.

Ключевые слова: Египет, исламско-египетская традиция, XXVI династия, Иран, Рим, Птолеми, Октавиан Август

Данные об авторах. Александр Аркадьевич Немировский – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВИ РАН; Иван Андреевич Ладынин – доктор исторических наук, старший научный сотрудник ИВИ РАН, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Исследование выполнено за счет гранта РНФ в рамках проекта № 24-18-00378 «Происхождение и состав позднеантичной и средневековой картины прошлого Ближнего Востока и Эгеиды в древнейший (доахеменидский) период», <https://rscf.ru/project/24-18-00378/>.

Исламско-египетская арабоязычная версия истории древнего Египта, развивавшаяся в течение ряда веков, сформировалась в своем основном виде (включая подавляющую часть ее списка царей), в VIII–IX вв. н.э.¹ Ведущими фигурами в этом процессе были рожденные в Египте исламские ученые – выходцы из семей арабов и арабизированных персов, переселившихся в Египет из Азии, прежде всего Абдаллах ибн Лахия и Лайс ибн Саад (работали ок. 740–790 гг.), Усман ибн Салих (работал ок. 780–830 гг.), Абдуррахман ибн Абд ал-Хакам (работал ок. 825–870 гг.). Главным их источником был материал местной, исконной египетской традиции, получаемый ими в первую очередь от коренных египтян, перешедших в ислам, во вторую – от египтян, удержавших христианство («коптов» исламского времени). На три поколения вышеназванных ученых пришлось сложение всей основной схемы исламско-египетской традиции о древнем Египте; первое дошедшее сочинение этой традиции – труд ибн Абд ал-Хакама², обильно цитирующего Усмана ибн Салиха. Представленная в этом труде схема повторяется, часто с дополнением существенными подробностями, и у последующих авторов. Для египтологов их материал особенно ценен тем, что по нему выявляются многие сюжеты доисламской египетской традиции, в том числе непрерывно передававшиеся с ранней древности и не отразившиеся в других дошедших источниках³.

В настоящей статье мы обращаемся к сообщению ибн Абд ал-Хакама о трехлетней войне «румийцев» и египтян, имевшей место на некоем позднем этапе доисламской египетской истории (ИАХ, 53–54, л. 33–34). Прежде всего необходимо охарактеризовать место этого сюжета в данном труде и общей исламско-египетской схеме истории Египта. Описывая череду правлений коренных египетских царей времен древней независимости страны, ибн Абд ал-Хакам в какой-то момент то со ссылками на Усмана ибн Салиха, то без них вводит рассказ о династии царей, соответствующей XXVI династии реальной истории (ИАХ, 48–50; тождество устанавливается твердо, по сообщениям исламских авторов об этих царях⁴). Кончатся сообщения цитатой из Усмана о том, что в конце этой династии, при царе «Лукасе», давняя магическая защита Египта от внешних врагов пришла в полную негодность. Это подразумевает, что дальше в схеме Усмана стояло завоевание Египта неким внешним врагом. Поскольку, по Усману, ибн Абд ал-Хакаму и следующим авторам, до того названная магическая защита успешно действовала много веков и Египет тогда не подвергался завоеваниям, получается, что сюжет об утрате ею силы при «Лукасе» в конце обсуждаемой династии и о долженствующем последовать затем иноземном завоевании – это сюжет о падении независимости Египта в середине I тыс. до н.э. Действительно, у ибн Абд ал-Хакама и дальнейших арабских авторов указанную династию низвергает непосредственно Навуходоносор II (см. ниже), а у более раннего Усмана, как мы увидим далее, после этой династии уже не назывались никакие цари и дина-

¹ О ней см.: Wiet 1953, 16–29; El-Daly 2005.

² Ибн Абд ал-Хакам 1985, далее ИАХ.

³ См. о таких сюжетах, например, Немировский, Банщикова 2020.

⁴ Так, пятый царь этой династии, считая с конца (Баула, Нула, Билунах у разных авторов) выводится как победитель иудейских царей Иосии и Иоахаза, а последний был уничтожен азиатским покорителем Египта (см. в целом ИАХ, 50–52; Ms, 410–411; Mq, 108, 410–411), что твердо соотносит их с Нехо II и Псамметихом III.

стии Египта, а просто упоминалось воспоследовавшее в какой-то момент после нее завоевание Египта «румийцами». Такое положение обсуждаемой династии дополнительно удостоверяет ее соотнесение с исторической XXVI династией.

Затем, уже без ссылки на Усмана, ибн Абд ал-Хакам вводит особый раздел под названием «Рассказ о приходе в Египет Бахт Нассара» (Навуходоносора II). Речь в нем идет о том, что при последнем из царей вышеназванной династии Египет был завоеван Навуходоносором, взявшим до этого Иерусалим, разрушившим Храм и угнавшим евреев в Вавилон. Навуходоносор, разгромив Египет, угнал всех его жителей, а через сорок лет вернул их в страну, но уже в качестве своих подданных, и с тех пор Египет навсегда остался завоеванным (то есть подвластным чужеземным покорителям; ИАХ, 51–52). Сюжет об уничтожении египетской независимости Навуходоносором, владевшим Вавилоном и угнавшим евреев из разгромленного им Иерусалима, присутствует уже в традиции коптов (в полном виде изложен в представляющей их ученую традицию VII в. «Хронике» копта-епископа Иоанна из Никиу, CJ 72) и возник в результате очевидной контаминации победоносного похода Навуходоносора в Египет в 567 г. до н.э. с завоеванием Египта Камбисом через сорок лет, в 525 г. до н.э.⁵

Итак, сам сюжет о завоевании Египта Навуходоносором принадлежал уже доисламским египтянам. Однако у них пока не выявлен тот упрощенный тезис, что с тех пор Египет так и оставался завоеванным (Иоанн из Никиу подробно говорит о периоде новой египетской независимости IV в. до н.э., CJ 51. 58–61), – для нас он впервые появляется у ибн Абд ал-Хакама. При этом существенно, что весь сюжет о Навуходоносоре и его завоевании Египта ибн Абд ал-Хакам дает без излюбленных им ссылок на Усмана.

Приведя далее (также без ссылок на Усмана) экскурсы о богатстве Египта, его обложении в разные времена и сокровищах фараонов, ибн Абд ал-Хакам помещает как цитату из Усмана новый раздел под заглавием «Рассказ о приходе румийцев и персов в Египет», гласящий:

Он (Усман) сказал:

Затем румийцы и персы взяли верх над прочими царями, которые были на земле. Румийцы сражались с египтянами три года, осаждали их [крепости/крепость] и были стойки в сражениях на суше и на море. Когда египтяне увидели это, они заключили с румийцами мир на том, что они каждый год будут давать им нечто определенное за то, что румийцы откажутся/отстанут от них и египтяне будут у них в подчинении. Затем персы победили румийцев... (ИАХ, 53–54).

Последняя фраза этого пассажа, как и дальнейшие (о том, как в результате этой победы персы боролись с румийцами за Египет), излагает уже перипетии сасанидско-византийской войны времен жизни Мухаммеда, о чем в тексте говорится и прямо.

⁵ Эта контаминация прямо выражена в коптском «Романе о Камбисе» (Jansen 1950), а в ином виде – в другом сообщении Иоанна из Никиу (CJ 51); в обоих случаях Египет завоевывает царь государства, представляющего контаминацию исторических Персии и Ассирии, по имени Камбис-Навуходоносор (у Иоанна от него отличен более ранний Навуходоносор, «царь Персии», разрушивший Иерусалим и его Храм и угнавший евреев в плен, CJ 40; 51; эта основная для Иоанна версия несовместима с его же сообщением в CJ 72, см. выше). Один из топосов этого сюжета – представление о том, что после похода Навуходоносора Египет оставался опустошенным и ненаселенным 40 лет, а потом восстановился (что хронологически отвечает как раз завоеванию Камбиса в 525 г. до н.э.), присутствует уже в древнееврейской традиции VI в. до н.э. (Иез. 29–32).

Итак, в изложении ибн Абд ал-Хакама на весь период истории Египта от Навуходоносора до времени Мухаммеда приходится только одно конкретное событие – трехлетняя война румийцев с египтянами, закончившаяся тем, что египтяне подчинились румийцам и стали платить им дань, но на том условии, что румийцы от них «отстали». Это остается понимать как условие, по которому румийцы не сели в самом Египте им править, а вернулись к себе и египтяне оставались лишь подвассальным им сообществом, платившим им дань.

Добавим, что сообщения об Искандере Двурогом (Александре) и его завоеваниях и появлении в Египте у ибн Абд ал-Хакама присутствуют (ИАХ, 57–62, л. 37–42), но лишь отдельно и гораздо позже, в изолированном от последовательного изложения истории Египта виде, в особом экскурсе об Александрии и ее основании. Здесь ибн Абд ал-Хакам приводит россыпь самых разных несовместимых известий на эти темы, не принимая ничего из них как собственную версию; в этих известиях нет даже уверенности, что Искандер и «Двурогий» (Зулькарнайн) – это одно и то же лицо и что это был царь-завоеватель. Все эти известия приводятся со ссылками, но только не на труд Усмана ибн Салиха⁶.

К чему может относиться приведенный выше сюжет «от Усмана» о покорении румийцами египтян по итогам трехлетней войны – о событии, настолько значимом в схеме Усмана и ибн Абд ал-Хакама, что оно оказывается у них единственным в последовательном изложении истории Египта для периода с VI в. до н.э. по конец VI в. н.э.? Теоретически это могло бы быть либо завоевание Египта Александром, либо завоевание птолемеевского Египта Августом (в том числе в возможной контаминации с действиями Цезаря).

Первый вариант, однако, сразу отпадает. В присоединении Египта Александром не было ничего похожего ни на долгую борьбу его с «египтянами» (и вообще на борьбу за Египет с кем бы то ни было), ни на действия на море; не могло оно отозваться в воспоминаниях и топосом о том, что египтяне смогли, в общем, отбиться от румийцев на условиях того, что те «отстанут», то есть удалятся из Египта и будут только получать от него дань – поскольку в очевидном и очень близком результате прихода Александра македонская династия как раз утвердилась на территории самого Египта и правила им напрямую «внутри» страны. Итак, по всем фигурирующим в рассматриваемом сюжете позициям македонское присоединение Египта было им противоположно. Далее, если бы обсуждаемый сюжет относился на деле к приходу Александра, было бы необъяснимо, почему

⁶ Ибн Абд ал-Хакам приводит среди них лишь устный рассказ Усмана ибн Салиха ему самому, где говорилось со ссылкой на длинную цепь пересказов, что Мухаммед будто бы говорил, что был некий Двурогий, румиец, который еще юношей стал царем, а потом явился «на берег земли Египта» и построил там Александрию. Ибн Абд ал-Хакам не был уверен в истинности этого сообщения, так как здесь приводит и противоположные известия, а в рамках собственного последовательного повествования об истории Египта ничего подобного не упоминает; о том, доверял ли этому сообщению сам Усман, см. ниже прим. 15. Сам тот факт, что в последовательном изложении истории Египта до времен Мухаммеда ибн Абд ал-Хакам вообще ничего не говорит об основании Александрии, указывает на то, что для него она – не совсем и Египет, а скорее некий отдельный центр на его границе с отдельной от него историей, что вполне отвечает античному восприятию («Александрия при Египте») и находит параллель у Иоанна из Никии, который, хотя и говорит о строительстве Александром Александрии «в Египте» (СJ 59.1), заявляет, что после смерти Клеопатры «люди Александрии и Египта» подчинились римлянам (СJ 67.10).

он вводится из труда Усмана без единого упоминания Александра и Александрии, а подобные упоминания помещены отдельно, без всякой определенности, без связи с этим сюжетом и без ссылок на труд Усмана. Если бы обсуждаемый сюжет исконно подразумевал Александра, крайне невероятным было бы забыть об этом настолько, чтобы у Усмана и ибн Абд ал-Хакама этот сюжет предстал в полном отрыве от фигуры Александра и чтобы ибн Абд ал-Хакам вообще не знал и не сообщал ничего определенного об Александре и его позиции в истории Египта, как мы видим все это в тексте.

Зато второй вариант – завоевание Египта Октавианом Августом – соответствует интересующему нас описанию по всем позициям. Противостояние Октавиана с Антонием и Клеопатрой, то есть с самой поздней формой отдельной государственности Египта, действительно заняло три года (от полного разрыва Антония с Октавианом, отмеченного его разводом с сестрой последнего Октавией в середине 32 г. до н.э. и кончая вступлением Октавиана в Александрию 1 августа 30 г. до н.э.). Их война была упорной и включала и морские действия (с кульминацией при Акции 2 сентября 31 г.), и взятия городов (занятие Паретония Корнелием Галлом: *Cass. Dio. LI. 9. 1*; легкое взятие Пелусия Октавианом: *id. 9. 5–6*; сражение конницы Антония с войсками Октавиана у ипподрома Александрии, даже приведшее к успеху: *id. 10. 1–2*; *Plut. Ant. 74. 4*; *Oros. VI. 19. 16*)⁷. Разумеется, в реальности Египет стал провинцией Римской державы, но для самих египтян смена власти Птолемеев на римскую действительно включала тот существенно важный для них компонент, что иноземцы-Птолемеи, сидевшие на территории самого Египта и правившие им «изнутри», сменились иноземными римскими властителями, правящими Египтом издалека, из-за моря. Римский повелитель вступил в Египет с боем – и, оставив его покоренным, ушел оттуда, а не остался там (как остались Птолемеи). Уже одно это, тем более по контрасту с Птолемеями, могло отозваться в историко-легендарной памяти египтян – в качестве одного из вариантов отражения этих событий – образом заключения договоренности, по которой румийцы «отступаются» от Египта (то есть уходят оттуда) на условиях признания им покорности и уплаты подати. Собственно, этот образ довольно близок к реальным событиям и лишь патриотически заострен в пользу египтян (за счет топоса «договоренности» с румийцами). Между тем египетская традиция вообще была очень склонна к такому смягчению или купированию неприятных для египетского самолюбия моментов. Еще более яркий пример этому дает Иоанн Никийский, у которого вообще никакой войны с римлянами нет: Клеопатра мирно умирает после долгого славного правления, высоко оцениваемого Иоанном, и после ее смерти «люди Александрии и Египта» сами по доброй воле признают власть Августа (*CJ 67.9–11*).

Дополнительно подкрепить формирование образа римского владычества как смягченного, редуцированного до сюзеренитета со взиманием дани, мог сам характер этого владычества. Римское военное присутствие в Египте в начале принципата было численно небольшим, что специально отмечает Страбон, видя в этом свидетельство мирного нрава египтян и их мирных настроений по отно-

⁷ Hölzl 2001, 245–248.

шению к римлянам: всего в Египте находилось 3 легиона⁸, 9 отдельных когорт и 3 конных отряда (менее 25 тыс. чел.), причем поддержание порядка на всей территории страны в промежутке между Александрией и границей с эфиопами из них осуществляли только 3 когорты (около 1,5 тыс. чел.; Strabo. XVII. 1. 12, 53).

Далее, если организация власти Птолемеев представляла собой бюрократическое управление, существовавшее в Египте и ранее, а теперь ставшее инструментом чужеземного господства (его верхние этажи были полностью замещены греками и македонянами)⁹, то римляне постарались максимально «подтянуть» Египет к общеимперской модели управления через автономные общины. При римской власти городские центры египетских номов превратились в полисы, где функции управления перешли к выборным должностным лицам из числа представителей местных, египетских элит (конечно, уже прошедших за время правления Птолемеев некоторую эллинизацию, обойтись без которой было просто невозможно), причем этот процесс окончательно завершился к IV в. н.э., на сравнительно небольшой временной дистанции от формирования интересующей нас исламско-египетской традиции и ее предисламской основы¹⁰. Такая «деволюция» функций управления местным элитам вполне могла дать или подкрепить комментируемый образ «оставления» завоевателями-румицами местной власти за самими египтянами на условиях подчинения и уплаты податей.

Наконец, римские императоры все время вплоть до конца III в. н.э. принимали египетские царские титулатуры¹¹; при этом если начиная с Марка Аврелия они сводились к иероглифической транскрипции императорских имен, то первоначально их составляли из ряда титулов, концептуально объединенных подчеркнутой идеей, что через посредство римского императора Египтом практически непосредственно правит божество (прежде всего, считавшийся «парадигмальным» богом-царем Хор)¹². Сама эта идея была призвана скомпенсировать моральные потери от признания чужеземной власти; но с определенного временного расстояния она могла бы восприниматься как констатация того, что Египет находится под властью богов, а не под прямой земной властью каких бы то ни было правителей-людей. В совокупности с тем, что боги это были местные, египетские, а римские императоры находились далеко за морем, это также было способно работать на образ автономии Египта под внешним римским сюзеренитетом¹³. Все это и могло формировать тот облик римского владычества, который ему дает комментируемый пассаж ибн Абд ал-Хакама.

⁸ XXII Deiotariana, III Cyrenaica, XII Fulminata, последний из них был ок. 23 г. н.э. перемещен (возможно, в Сирию), а два других сосредоточены у Александрии (то есть, как уже говорилось, в египетском восприятии вне коренного Египта), см. Bagnall 2021, 60–63.

⁹ Huss 2011.

¹⁰ См. особенно Свенцицкая, Ковельман 1989, 80–87; ср. Bagnall 2021, 56–57, 92–95.

¹¹ Beckerath 1999, 248–267.

¹² Ладынин 2023, 228–232.

¹³ Принятие египетских титулатур Птолемеями не могло бы давать такого эффекта, поскольку Птолемеи правили внутри Египта и их титулатуры в меньшей степени несли приближение к идее прямого правления египетских богов в стране. В любом случае впечатление от Птолемеев не могло ослаблять или перекрывать впечатление от римской власти как более поздней.

В том же пассаже румийское завоевание Египта вписано в эпоху, когда «румийцы и персы» стали сильнейшими на земле. Это вполне согласуется с пониманием указанного пассажа как отражения покорения Египта Августом, поскольку к моменту последнего давно установилась дуальная геополитическая система римской и иранской «сверхдержав». Роль последней принадлежала Парфии, но на Ближнем Востоке не было причин противопоставлять ее Персии, а в рамках арабских и мусульманских представлений это было бы и невозможно, поскольку они интегрировали сасанидскую историческую схему, в которой с глубокой древности существовало одно Иранское царство: сначала им правили авестийские государи, потом прямо привязанные к ним генеалогически Артаксеркс (I)-Ардешир Бахман и два Дария, далее следовало нашествие Александра и четыре поколения раздробленности на княжества (в реальности ей отвечали намного более продолжительные селевкидский и парфянский периоды), из которой царство вывел потомок последнего Дария по прямой отцовской линии Ардашир (основатель династии Сасанидов; ср. в целом ШН 4–5, стк. 60456–60506, 60784–60827, 61459–61462, 61717–61727, 62522–62525, 66517–66748).

В рамках этого представления выделять неких «парфян», отличных от «персов», не приходилось, все реальные иранские державы оказывались фазами истории державы персов. Далее, противниками «румийцев» в изучаемом пассаже (взятом, как указано в нем же, из Усмана) названы «египтяне». Иными словами, в версии, отраженной этим пассажем, завоеванное «румийцами» Октавиана царство Птолемеев представало не государством чужеземной династии, а государством «египтян». Это вполне согласуется с тем, что в последовательном изложении истории Египта, куда у ибн Абд ал-Хакама входит наш пассаж, приход Александра и македонское завоевание не фигурируют вовсе (см. подробно выше).

Учитывая отношение египтян к Птолемеям в само правление последних, эту «египтизацию» их надо рассматривать как существенно более позднее явление, возникшее задним числом на одной из многих линий развития египетской традиции. Почва для этого явления могла быть разнообразной, включая впечатление от памятников Птолемеев в облике египетских фараонов на фоне воспоминаний как раз о том, что они правили страной не из-за моря и царством их был именно Египет. Поскольку египетская историко-легендарная традиция бытовала в виде множества противоречащих друг другу изводов, иногда обменивавшихся элементами, обсуждаемый образ римского завоевания царства Птолемеев как румийского покорения «египтян»¹⁴ не должен был мешать воспроизведению в Египте и других его образов.

¹⁴ На этой «египтизации» того, что на деле было правлением Клеопатры, оборванным Августом, могло дополнительно сказаться впечатление от нее самой. У копта Иоанна Никийского Клеопатра, хотя и покоряет «египтян», явившись из Палестины (отражение того, что Клеопатра в ходе борьбы с братом укрывшаяся в Сирии, в 48 г. до н.э. вторглась оттуда в Египет), затем описывается как мудрая и благодетельная для Египта государыня (СЖ 67.1–9; повторим, что здесь даже вычеркнута ее война с Августом, и египтяне сами признают владычество последнего после ее мирной смерти). Подобное восприятие Клеопатры в положительном ключе также могло способствовать чьему-то осмыслению Египта накануне римского покорения как государства «египтян». На все это могли влиять и элементы реальности: мать Клеопатры была, по-видимому, полугиптянка. Клеопатра, в отличие от своих предшественников, владела египетским языком (Плутарх, сообщив о знании Клеопатрой многих языков, вводит далее противопоставление «тогда как цари, правившие до нее,

Показательно, что при всем внимании ибн Абд ал-Хакама к ссылкам на труд Усмана сюжет о завоевании Египта Навуходоносором внесен им без таких ссылок. Напомним, что со ссылкой на Усмана у него сообщается, что при последних царях группы, отвечающей XXVI династии, магическая защита Египта от внешних врагов утратила силу (это подразумевает, что далее Усман говорил о чьем-то завоевании Египта), затем без ссылок на Усмана вводится завоевание Египта Навуходоносором с констатацией, что затем Египет так и оставался завоеванным, затем в виде цитаты из Усмана заявляется, что «потом» румийцы и персы стали самыми могучими на земле и что румийцы в некоторый момент покорили «египтян».

Из такого распределения ссылок можно заключить, что текст о румийцах и персах и служил у Усмана непосредственным продолжением пассажа об утрате Египтом магической защиты от внешнего врага, а румийское покорение египтян в ходе трехлетней войны было тем самым иноземным завоеванием, которое предвещал пассаж Усмана об этой утрате. Сюжет о покорении Египта Навуходоносором, таким образом, не входил в схему Усмана и появился в изложении ибн Абд ал-Хакама, когда тот компилировал его по различным источникам (как указывалось выше, этот сюжет широко циркулировал у коптов).

В самом деле, подраздел труда ибн Абд ал-Хакама о Навуходоносоре включает констатацию, что после захвата последним Египта тот всегда оставался завоеванным, но в следующем же подразделе этого труда – изучаемом рассказе о покорении румийцами Египта за три года – контрагентами румийцев в Египте оказываются «египтяне» как самостоятельная сила, которая воюет с румийцами и заключает с ними соглашение. Это, собственно, несовместимо с утверждением предыдущего подраздела, что Египет на описанном в нем этапе был захвачен Навуходоносором и с тех пор оставался завоеванным. Как видно, эти подразделы не принадлежали исконно к одной и той же схеме, т.е. сюжет о Навуходоносоре не входил в схему Усмана, и ибн Абд ад Хакам вынужден был допустить получившееся в его компилятивном тексте противоречие просто потому, что не хотел менять используемый им со ссылкой текст Усмана о войне румийцев с «египтянами», а сам не имел определенных представлений о ходе египетской истории между Навуходоносором и Мухаммедом (что видно и из помещения им хаотичного ряда несовместимых известий об Александре отдельно от изложения египетской истории и без выбора между ними); тем самым он не мог согласовать материал своих источников о названном периоде¹⁵.

не знали даже египетского»; Plut. *Ant.* 27) и носила титул Φιλόπατρις («Любящая отечество»: Vin- gen 2007, 59–60, 76–77; какой бы смысл она ни вкладывала в этот титул, египтянам, особенно постфактум, было бы естественно понимать его как выражающий любовь к Египту как своему отечеству). В эпоху Клеопатры коренные египтяне могли становиться высшими функционерами (во- начальник-египтянин Ахилла, сторонник Птолемея XIII, был одним из трех высших сановников Египта в пору его соправительства и соперничества с Клеопатрой, Plut. *Pomp.* 77); см. в целом о Клеопатре: Roller 2011. Наконец, образ Клеопатры и ее государственности был подчеркнута от- граничен от ассоциаций с античным миром и представлен как чисто египетский и варварский в пропаганде Августа, разворачивавшейся на фоне и по воспоминаниям борьбы с ней и Антонием: Чисталев 2014, 52–69 и сл.

¹⁵ Теперь мы вправе заключить, что Усман не имел определенных представлений о месте Алек- сандра в истории Египта и не был уверен в истинности сообщения о том, что Мухаммед говорил

Итак, по ибн Абд ал-Хакаму выявляются две схемы истории Египта от XXVI династии до времен Мухаммеда. Одна, наиболее ранняя из известных, проводилась в труде Усмана и сообщала, что при таких-то царях (реально отвечающих XXVI династии) магическая защита Египта от завоеваний исчезла, после чего румийцы и персы стали сильнейшими на земле (в реальности этому отвечает подъем могущества Рима и Парфии), и румийцы покорили независимых до того «египтян» (кто возглавлял последних, не уточнялось, реальное соответствие – завоевание Египта Августом).

В этой предельно стяженной и упрощенной версии «румийцы» Рима и «персы» Парфии реально заместили и своих реальных предшественников по завоеваниям Египта – персов-Ахеменидов и македонян (для арабов тоже «румийцев», ср. квалификации Александра как «румийца» в ИАХ, 57–61), и из пяти реальных «завоеваний» Египта VI в. до н.э. – VI в. н.э. (похода Навуходоносора, который давно стал рассматриваться в ближневосточной традиции как завоевание, первого персидского, второго персидского, македонского и римского) удержалось лишь последнее, римское. Оба персидских владычества, разделяющий их период египетской независимости IV в. до н.э., македонская власть Аргеадов и Птолемеев здесь оказались слиты в неопределенный по сроку и не отмеченный никакими событиями «инерционный» финал независимости «египтян» от момента утраты ими магической защиты (при царях, реально отвечающих XXVI династии) до «румийского» завоевания¹⁶.

Вторую, более подробную схему истории того же промежутка от XXVI династии до Мухаммеда, мы видим у ибн Абд ал-Хакама. Она получена из первой схемы за счет интерполяции в нее (на место, отвечающее реальной хронологии) сюжета о походе Навуходоносора в Египет (и пребывании Египта с тех пор завоеванным); этот сюжет был, видимо, получен ибн Абд ал-Хакамом из традиции коренных египтян, где он давно бытовал (см. выше). Сглаживать образующуюся при этом «шероховатость» (Египет остается завоеванным со вре-

о Двурогом царе-румийце – основателе Александрию (см. выше). Это видно не только из того, что ибн Абд ал-Хакам, активно используя труд Усмана, ничего не говорит об Александре при последовательном изложении истории Египта, а когда вообще говорит о нем, то без ссылок на труд Усмана (а лишь упоминает устный рассказ Усмана о цепочке чужих передач сообщения об упомянутой реплике Мухаммеда), но и из того, что, как мы только что выяснили, в схеме Усмана вообще не было места македонскому завоеванию Египта: первым завоеванием Египта после утраты этой страной магической защиты от таких завоеваний у Усмана было римское покорение Египта, а реальное царство Птолемеев у него отразилось как (все еще) независимые «египтяне».

¹⁶ Отметим, что время независимости IV в. в египетском предании само кончалось утратой Египтом магической защиты к концу правления Нектанеба. Это могло стимулировать смещение указанного периода с предыдущей фазой египетской независимости (реально оборвавшейся в VI в. до н.э.), поскольку у Усмана и ибн Абд ал-Хакама этап, отвечающий этой фазе, тоже завершился из-за утраты такой защиты. При этом даже характер защитной магии, которая согласно арабо-египетских авторов утратила силу в конце этого этапа при «Лукасе» – тот же самый, что применяется Нектанебом II в египетско-античном предании: в обоих случаях речь идет о колдовстве, когда повреждение изображений врагов, шедших войной на Египет, магически вызывало уничтожение самих врагов, см. ИАХ, 46–48, л. 27–28 о магии, защищавшей Египет до «Лукаса», и Matthey 2013, 194–228 о магии Нектанеба). А указанное смещение вело бы именно к «свертыванию» финала названной фазы и ряда последующих периодов в тот единый эпилог времен египетской независимости, продолжавшийся от утраты магической защиты до румийского завоевания, который получался у Усмана.

мен Навуходоносора, но с румийцами потом воюют и договариваются некие «египтяне») ибн Абд ал-Хакам не стал.

Путь от первой схемы ко второй был, очевидно, частью постепенного освоения исламскими учеными египетской историко-легендарной сюжетики (у Усмана реальный промежуток VI в. до н.э. – VI в. н.э. представлен наиболее упрощенно и кратко, ибн Абд ал-Хакам дополнил его схему для этого промежутка сюжетом о завоевании Египта Навуходоносором).

Приведенное ибн Абд ал-Хакамом сообщение Усмана о войне румийцев с египтянами может воспроизводить только некую доисламскую египетскую (и уже высоко легендизированную) традицию о завоевании Августом царства Птолемеев – других источников для этого сообщения представить себе нельзя¹⁷. Эта традиция оказывается высокопатриотической для египтян: царство Птолемеев в ней превратилось в государство независимых «египтян», а римское завоевание – в их компромиссную договоренность с «румийцами» об автономии Египта под условием уплаты дани и признания верховной власти Рима, достигнутую благодаря упорству египетского сопротивления римлянам. При этом обсуждаемая легенда помнит те подробности, которые египтянам помнить лестно (три года войны, сражения на море и суше, осады, причем, очевидно, с преувеличением их трудности для врагов), но утратила те детали, с которыми оказывались бы связанными воспоминания о конкретной чужеземной династии Птолемеев. Легенда вообще не говорит, кто же возглавлял египтян в пору войны с «румийцами», и в параллель с этим не называет никакого предводителя и у «румийцев». Воюют здесь «румийцы» и «египтяне» как коллективные субъекты.

Далее, если бы материал источников, откуда Усман взял свой сюжет о покорении румийцами египтян, упоминал и более ранние завоевания Египта или иные переломные события времен после XXVI династии (первое персидское завоевание, приход Александра, восстановление независимости в промежутке между ними), то было бы крайне странно, что их не отразил сам Усман или использующий его труды ибн Абд ал-Хакам (у них от этих времен удержано только румийское покорение = завоевание Египта Августом, так что даже информация об Александре у Усмана не была представлена вообще, а ибн Абд ал-Хакам приводил противоречивые сообщения на его счет в отрыве от хронологического изложения истории Египта). Остается считать, что в самом материале, использованном Усманом, весь период между царями, отвечающими XXVI династии, и римским завоеванием не был ничем заполнен, и Усман просто воспроизвел это. При этом, конечно, исключено, чтобы люди, стоявшие за этим материалом, помещали римское завоевание сразу после царей, отвечающих XXVI династии – можно лишь заключить, что в сообщениях, совокупность которых получил Усман, промежуток между ними просто ничем не освещался.

Это значит, что тот материал египетской традиции, который служил источником Усмана по истории Египта в промежутке от времени Навуходоносора до времени Мухаммеда, оказывается, в сравнении с другими известными матери-

¹⁷ Античная, в том числе александрийская, ученая традиция не забыла бы имен Августа и Клеопатры; и то же относится к наиболее ученой части традиции коптов (у Иоанна Никийского эти две персоны в рассказе о переходе Египта под римскую власть представлены подробно, CJ 67; 69).

алами той же традиции, рекордным по невниманию к указанному промежутку и опущению его событий. Подобное невнимание и забвение по отношению к целым эпохам прошлого не были чем-то исключительным для египтян. Так, жрецы – информаторы Геродота сообщили ему о первых трехстах с лишним египетских царях после Менеса, что те не совершили ничего примечательного, и обо всем времени их правления им нечего рассказать (Hdt. II. 100–101), а весь период от середины XX династии до эфиопских завоеваний (середина XII – середина VIII вв. до н.э.) в их схеме просто оказался забыт (очевидно, потому, что это было время ослабления и раздробленности страны) и замещен сюжетом о династии строителей великих пирамид, в действительности принадлежащей к гораздо более давнему прошлому (Hdt. II. 124–134, 136–137).

Очевидно, и в материале, учтенном Усманом, промежуток между XXVI династией и римским завоеванием оказался неосвещенным в силу аналогичных причин: это было время поражений и чужеземных владычеств (с перерывом на недолговечную независимость IV в. до н.э., окончившуюся полным крахом). «Пропустить» же аналогичным образом само римское завоевание было бы невозможно, поскольку установленное им господство непрерывно продолжалось вплоть до прихода арабов. Таким образом, оговорить хотя бы римское покорение Египта египетские источники Усмана должны были в любом случае – и только оно и оказалось единственным указанным ими событием в промежутке от исхода XXVI династии до времен Мухаммеда, причем в форме, наиболее щадящей египетские патриотические чувства (как компромиссная договоренность о зависимости на условии ухода румийцев). Во всем этом видно то же влияние национального самолюбия, что и в подаче этими же источниками египетских противников румийцев – на деле Клеопатры и Антония – как «египтян»¹⁸.

¹⁸ Мог бы встать вопрос, почему сам Усман не стремился узнать больше подробностей об обсуждаемом промежутке. Причины этого, вероятно, таковы: и для Усмана, и для самого ибн Абд ал-Хакама доисламская история Египта была лишь преддверием куда более подробно описанного ими исламского завоевания Египта, а из более ранних событий предыдущие чужеземные господства над Египтом вызывали у них наименьший интерес. Усман, по-видимому, интересовался последней тысячей лет доисламской истории Египта, глядя на нее «из своего времени», сквозь призму обстоятельств начала исламской эпохи. Мусульмане завоевали Египет вскоре после окончания долгой войны между персами и византийцами-«румийцами», в ходе которой персы на время захватывали Египет; именно во время этой войны Мухаммед строил свое государство, а на фоне привычного многовекового сосуществования «румийской» и персидской сверхдержав сформировалось все историческое восприятие арабов времен рождения ислама. Соответственно, Усман, комплектуя изложение ближайшей ко всему этому эпохи истории Египта (то есть времен после падения его древней независимости) по египетским материалам, констатировал, что именно румийцы и персы были в ту эпоху ведущими силами в мире, и не стал углубляться в эти материалы дальше сообщений о том, что «румийцы» (при Августе) покорили «египтян», а затем, при Мухаммеде, персы отбили на время у румийцев Египет, от чего можно было прямо переходить к событиям исламского времени. Ибн Абд ал-Хакам, продолжая освоение египетского материала, пополнил схему, представленную в труде Усмана, некоторыми дополнительными сюжетами, но в обсуждаемый промежуток от «Лукаса» до Мухаммеда добавил только сюжет о завоевании Египта Навуходоносором.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Bagnall, R.S. (ed.) 2021: *Roman Egypt. A History*. Cambridge.
- Beckerath, J. von. 1999: *Handbuch der ägyptischen Königsnamen* (Münchner ägyptologische Studien, 49). 2nd ed. Munich.
- Bingen, J. 2007: *Hellenistic Egypt*. Edinburg.
- Chistalev, M.S. 2014: *Vospriyatie Egipta i egipetskoj kul'tury v rimskom obshchestve (seredina I v. do n.e. – nachalo III v. n.e.)*. Diss. for the degree of Candidate of Historical Sciences [The Perception of Egypt and the Egyptian Culture in the Roman Society (Mid-1st Century BC – Early 3rd Century AD)]. PhD Diss]. Nizhny Novgorod.
- Чисталев, М.С. 2014: *Восприятие Египта и египетской культуры в римском обществе (середина I в. до н.э. – начало III в. н.э.)*: дис. ... к.и.н. Нижний Новгород.
- El-Daly, O. 2005: *Egyptology: The Missing Millennium. Ancient Egypt in Medieval Arabic Writings*. London.
- Hölbl, G. 2001: *A History of the Ptolemaic Empire*. London–New York.
- Huss, W. 2011: *Die Verwaltung des ptolemäischen Reichs*. Munich.
- Jansen, H.L. 1950: *The Coptic Story of Cambyses' Invasion of Egypt*. Oslo.
- Ladynin, I.A. 2023: Khor i drugie egipetskie bozhestva v oblich'e rimskikh voinov: k vozmozhnoy interpretatsii [Horus and Other Egyptian Deities in the Guise of Roman Warriors: A Possible Interpretation]. *Vostok (Oriens)* 5, 224–235.
- Ладынин, И.А. 2023: Хор и другие египетские божества в обличе римских воинов: к возможной интерпретации. *Восток (Oriens)* 5, 224–235.
- Mattey, Ph. 2013: *Pharaon, magicien et filou: Néctanebo II entre l'histoire et la légende*. Ph.D. Diss. Geneva.
- Nemirovskiy, A.A., Bانشchikova, A.A. 2020: Odnо koptskoye predaniye v «Sokrashchenii dikovin» [One Coptic Tradition in “A Compendium of Wonders”]. *Dialog so vremenem [Dialogue with Time]* 72, 255–270.
- Немировский, А.А., Банщикова, А.А. 2020: Одно коптское предание в «Сокращении диковин». *Диалог со временем* 72, 255–270.
- Roller, D.W. 2011: *Cleopatra. A Biography*. Oxford.
- Sventsitskaya, I.S., Kovelman, A.B. 1989: Vostochnye provintsii Rimskoi imperii [Eastern Provinces of the Roman Empire]. In: I.M. Diakonoff, V.D. Neronova, I.S. Sventsitskaya (eds.), *Istoriya drevnego mira [History of the Ancient World]*. Vol. 3. Moscow, 73–87.
- Свенцицкая, И.С., Ковельман, А.Б. 1989: Восточные провинции Римской империи. В кн.: И.М. Дьяконов, В.Д. Неронова, И.С. Свенцицкая (ред.), *История древнего мира*. Т. 3. М., 73–87.
- Wiet, G. 1953: *L'Égypte de Murtadi fils du Ghaphiphe*. Paris.

THE THREE-YEAR WAR OF THE “RUMIS” WITH THE EGYPTIANS
IN THE ISLAMIC-EGYPTIAN TRADITION

Aleksandr A. Nemirovskiy¹, Ivan A. Ladynin²

^{1,2} *Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

² *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

¹ *E-mail: sidelts@inbox.ru*

² *E-mail: ladynin@mail.ru*

The article examines a passage by the 9th-century Islamic-Egyptian scholar Abd al-Rahman ibn Abd al-Hakam about a three-year war between the “Rumis” (i.e., the people of Greece or Rome) and the Egyptians. As a result of this war, the Egyptians acknowledged their submission to the Rumis but secured an agreement that the latter would “leave them”, limiting this submission to the vassal state and paying tribute. A number of considerations indicate that this narrative reflects the conquest of Egypt by Octavian Augustus, which ended with Egypt’s transformation into a province of the Roman Empire. In this account, Ibn Abd al-Hakam states that these events took place in times of the “Rumis” and the “Persians” rise as the world’s greatest powers. This corresponds to the transformation of Rome and Parthia into superpowers by the 1st century BC. This plot goes back to the information from another Arab historian, Uthman ibn Salih in whose historical scheme the interval between the kings corresponding to the Egyptian XXVIth Dynasty and the conquest by the “Rumis” remains unfilled with events, and the image of the might of the “Rumis” replaces all previous foreign rulers of Egypt in the 6th–1st centuries BC, while the might of the “Persians” similarly absorbs all stages of Iranian history from the Achaemenids to the Sassanids.

Keywords: Egypt, Islamic-Egyptian tradition, XXVIth Dynasty, Iran, Rome, Ptolemies, Octavian Augustus

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 24-18-00378
